

Сияние

12 марта 2024

16 февраля в ИК-3 «Полярный волк» оборвалась жизнь Алексея Навального. «А вы все остались такими же» — примерно такой вывод поспешили сделать некоторые сторонники политика, когда зашли в паблики пгт Харп и обнаружили, что жители посёлка не организуют стихийных мемориалов и вообще почти не обсуждают эту трагическую новость. Журналист «Новой вкладки» Иван Козлов изучением пабликов не ограничился — он побывал за Полярным кругом, где в зоне вечной мерзлоты расположился маленький посёлок Харп, и убедился, что дело не в равнодушии его жителей, но в укладе их жизни, который, кажется, ничто не способно пошатнуть. А заодно увидел своими глазами место, которое одновременно обрело печальную мировую славу.

Осторожность и внимание

Если бы у меня была конспиративная легенда, я провалил бы её ещё на подлёте к Салехарду.

— Вы случайно не в Харп? — спросил меня мужчина лет сорока, сидящий

на соседнем кресле.

— В Харп, — машинально ответил я.

— Будьте осторожны, — отреагировал он.

В крохотном аэропорту Салехарда мы перекинулись ещё парой бессодержательных фраз; мой собеседник посоветовал мне дешёвое приложение для вызова такси (которым я не собирался пользоваться), попрощался и навсегда, как мне казалось на тот момент, пропал из поля зрения.

В столицу ЯНАО я прибыл утром 24 февраля — во вторую годовщину начала войны. Казалось важным ненадолго задержаться здесь — как минимум потому, что спешить в Харп было больше незачем: тело погибшего там Алексея Навального уже несколько дней лежало в салехардском морге. Кроме того, в Салехарде, в отличие от Харпа, хотя бы был импровизированный мемориал памяти политика.

До этого мемориала около памятника жертвам политических репрессий я дошёл уже в сумерках. Ещё утром, судя по фотографиям из соцсетей, у его подножия лежали цветы, но теперь всё было тщательно зачищено. Памятник скрывала от посторонних глаз дугообразная гранитная стена, из-за которой, пока я делал фотографии, появился полицейский. Сделав несколько шагов, он разглядел, что в моих руках не цветы, а фотоаппарат, и у него сбился привычный скрипт. Полицейский замер и через пару секунд сказал:

— Здравствуйте.

— Здравствуйте, — ответил я.

На этом диалог как-то завяз, и мы ещё несколько секунд постояли молча.

Олени — животные, с которыми неразрывно связана жизнь Салехарда. Купить на местном рынке оленину проще, чем индейку. За гранитной стеной полицейского ждали ещё двое коллег. Видимо, они дежурили здесь весь день, поскольку люди успели организовать альтернативный мемориал около памятного знака «Исполнившему журналистский долг»: за ним никто не следил, и фотографию Навального, как и несколько скромных букетов, успело припорошить снегом.

Снег был крупный и влажный. Ни Салехард, ни Харп в последующие дни не соответствовали моим представлениям о том, каким должен быть февраль за Полярным кругом: на улице было около нуля, а в дневные часы температура поднималась до плюсовой.

От мемориала я прогулялся до [Обдорского острога](#), а оттуда — до городского сада. Деревья в снегу, увешанные гирляндами, крупные лампочки которых источали тёплый свет, производили совершенно магическое впечатление. Навес из таких же гирлянд растянулся и над пешеходной улицей, проходящей мимо сада. Они освещали уличную выставку фотографий: на стендах были портреты женщин. Подойдя ближе, я прочёл подписи: на одном фото была вдова участника войны в Украине, на другом — мать другого убитого военного.

Остальные районы города я осмотрел бегло. В основном запомнились аляповатые здания «капиталистического романтизма», патриотичные муралы на торцах зданий и почти ничего от пятисотлетней городской истории. В завершение прогулки я прочёл новость о том, что тело Алексея Навального выдали его матери. Вероятно, Кира Ярмыш рассказала об этом с некоторым опозданием, потому что вокруг морга уже было тихо и глухо. Больше в Салехарде мне делать было нечего.

Между совой и волком

Дорога от Салехарда до Харпа с пересадкой в Лабытнанги — по ледовой переправе через Обь и дальше, сквозь низкорослые хвойные леса, — занимает чуть больше полутора часов. В расположенном на пути посёлке Обском автобус заполняют люди в униформе ФСИН, которые едут на работу. На переднем сидении болтают две пожилые женщины. Они обсуждают, как лучше потратить накопленную пенсию.

— Я всю жизнь в Крым хотела съездить, вот сейчас даже можно, до Свердловска на самолёте, потом на поезде. Но ведь опасно там сейчас.

— Тут опасно, там опасно, — раздражается её собеседница. — Сейчас кругом опасно. Что теперь — никуда не ехать, что ли?

Стихийный мемориал Навальному у памятника «Исполнившему журналистский долг» в Салехарде

Ещё полчаса езды по заснеженным перелескам, на полянах между которыми изредка виднеются чумы оленеводов, и автобус приезжает на «Пятачок» — главный транспортный узел ПГТ Харпа.

«Пятачок» — самый центр небольшого, на шесть тысяч жителей, посёлка. Южнее — больница, детский сад, рыбзавод и ИК-18 «Полярная сова». В ней сидят такие знаменитости, как битцевский маньяк [Пичушкин](#) и массовый убийца майор [Евсюков](#). Севернее — администрация, школа, клуб, кладбище и ИК-3 «Полярный волк». Здесь в 2005–2006 годах сидел Платон [Лебедев](#), тут же 16 февраля 2024 погиб Алексей Навальный.

«Сова» расположена на отшибе, а «Волк» виден из окон местной школы и соседствует с жилыми домами. В каком-то из пабликов во «ВКонтакте» жительница одного из этих домов жаловалась, что из-за близости колонии невозможно спать, потому что уже в пять утра там начинают шумно подметать снег. Я ничего такого не заметил, хотя поселился совсем близко к ИК-3 — в единственной гостинице «Собь», больше похожей на общагу-временку, зажатой между речным берегом, стенами колонии и территорией туберкулёзной больницы.

Харп переводится с ненецкого как «северное сияние». Это словосочетание живёт в названиях и на вывесках (так называются, например, спорткомплекс и железнодорожная станция, хотя меня всё-таки больше впечатлил Салехард, в котором обнаружился отель с названием «Сияние»), а вот самого природного явления мне увидеть не довелось.

Ну и ладно! Во-первых, как известно, Земля скоро налетит на небесную ось, так что сияние в наши дни можно увидеть даже в Пермском крае. Во-вторых, Харп сияет по-другому: иллюминацией, ярким уличным освещением и огромным количеством гирлянд, от которых на центральных улицах по ночам светло как днём. Ещё несколько лет назад посёлок выглядел куда депрессивнее, но местные жители, с которыми мне довелось пообщаться, в один голос благодарят местные власти: к 2024 году им удалось обновить всю инфраструктуру, привести улицы в приличный вид и отремонтировать фасады хрущёвок, которые сегодня облицованы плиткой «под кирпич». Кажущиеся новыми многоквартирные дома, стоящие среди старых деревянных двухэтажек, выглядят даже как-то неестественно, будто в симуляции: об их истинном возрасте свидетельствуют разве что старые разошедшиеся оконные рамы, которые сохранились в некоторых квартирах.

В действительности этим обновлённым домам уже по полвека и больше. Сначала тут была железнодорожная станция — одна из многих в составе «[501-й стройки](#)», на которой погибло несколько тысяч заключённых. Этот проект трансполярной магистрали так и не был завершён, после смерти Сталина его закрыли. В 1961 году неподалёку от станции на базе бывшего гулаговского подразделения построили колонию, которую впоследствии назовут «Полярным волком». И только через семь лет, в 1968-м, образовался посёлок Харп.

Прямо в центре Салехарда можно покататься на оленьей упряжке
О периоде истории посёлка в 80-е, 90-е и нулевые — до того, как местные власти отремонтировали улицы и дома, а на территории Харпа, помимо колоний, появились рыбозавод, цех по переработке оленьего мяса и несколько других предприятий, — лучше меня скажет неизвестный мне пользователь неизвестного мне форума:

«До 99 года всё работало. Карьер, добыча и т. д. <...> Вагоны РЖД грузили щебнем разной марки и отправляли. А пришли 2000-е годы — пришли бизнесмены, хуевы москвичи, которые всё скупили и бросили, развалили посёлок, который от лихих 90-х хоть немного держался. Думали, что народ — это рабы в посёлке, которые будут работать за копейки без всяких льгот. Да в зиму, в минус сорок „мерседесы“ и „Бентли“ не заводятся, надо только на УАЗах и „Уралах“ ездить, но этот транспорт не для москвичей. Вот и все цеха, склады и т. д. — брошены, разворованы. Там, где патриотичный русский, московский дух приходит, всегда разруха и концовка».

Суровые условия, температура, опускающаяся зимой до минус 50 и ниже, мрачная атмосфера, связанная с тем, что изрядная часть здешней повседневности сконцентрирована вокруг колоний, трагическая предыстория гулаговской стройки — всё это правда. Но правда и то, что Харп

(во всяком случае, в отсутствие экстремально низких температур) производит впечатление не медвежьего угла, куда свозят доживать самых страшных маньяков и самых заклятых врагов Путина, а обыкновеннейшего ПГТ, который невозможно было бы отличить от десятков подобных населённых пунктов в Пермском крае или, скажем, в Свердловской области, если бы не красивейшие горные хребты на горизонте и не менее красивые холмы, обрамляющие посёлок.

«Ну умер и умер»

На одном из таких холмов возле Харпа расположена вертолётная площадка; она же выполняет роль главной видовой точки для туристов, поэтому несколько лет назад местный предприниматель сделал посёлку подарок, установив в этом месте рамку, сквозь которую видна панорама города. Рамку окаймляют металлические буквы, складывающиеся во фразу «Счастье не за горами». На правах пермяка, у которого эта фраза уже десять лет как вшита в культурный код, я счёл важным отыскать эту рамку, но по пути заблудился среди деревянных двухэтажек. К счастью, мне встретилась женщина лет пятидесяти, которая просто стояла посреди двора. Я скользнул по ней взглядом.

— Чё? — моментально отреагировала она.

Узнав, что я ищу площадку, она вызвалась меня проводить — делать ей, по её словам, всё равно было нечего, просто вышла постоять под снегом и так бы и стояла.

— Вы тут, наверное, устали уже от внимания приезжих журналистов?

— спросил я её.

— А? Да нет, нету никого. Ну вот ездит много этих, как их, строителей. Всё незнакомые лица. Ну, они сейчас тут школу построили, ещё клуб будут строить, вот их и много.

— Понятно, а то я думал, что сюда много чужих из-за Навального приезжало.

— Чё? — снова не поняла она. Этой фамилии ей раньше слышать не приходилось.

Труба котельной и церковный купол — тот самый вид, который стал известен всему миру после видеообращения матери Навального с требованием отдать тело сына

Дорогу к площадке женщина показала неправильно, и я уткнулся в какой-то автобусный тупик. Главной его достопримечательностью оказалась склеенная из обрезков шин зенитная пушка, на дуле которой её создатель написал белой краской «Мы победим!». Ну, тоже неплохо.

Утром тот диалог с женщиной показался мне дурацким и незначительным, но уже к вечеру я убедился, что он более чем характерен для понимания того, как и чем живёт Харп. Я всё ходил и болтал с местными, но попытка заговорить с фсиновцами не увенчалась успехом (один из них пообещал меня «разъяснить»), а обычные прохожие, хоть и знали фамилию Навального, не выказывали никакой заинтересованности в диалоге. Выражающих сочувствие по поводу смерти политика пришлось отлавливать в соцсетях, но и там меня или игнорировали, или отказывались от комментариев. Было видно, что людей раздражает эта тема: особенно учитывая, что почти во всех пабликах Харпа после смерти Алексея откуда-то появились комментаторы с обезличенными аккаунтами, которые обижали и оскорбляли местных за недостаточное сопереживание, повторяя мысль о том, что «весь посёлок — одна большая колония».

Не было причин отказываться от разговора только у тех, кому было всё равно. Например, женщина, у которой я сначала попытался снять квартиру посуточно, заметила, что внимание мировых СМИ на жизни посёлка вообще никак не отразилось. Изменения за последние месяцы и годы в Харпе происходили, но связаны они были в основном с развитием туризма: чем более популярной точкой Харп становился для походников, отправляющихся отсюда в горы Полярного Урала, чем дороже становилась аренда жилья.

— Спрос всегда большой был, последние лет пять точно, — сказала женщина. — Здесь сдают очень мало, а сейчас идёт [развитие индустрии](#), и мы будем центром. В последние месяцы кроме адвокатов и парочки журналистов никто не приезжал. И после смерти мать [Навального] была тут несколько дней, а больше никаких движух, никаких цветов к колонии и прочего. Вообще тихо. Жители на смерть Навального не отреагировали никак.

Фасады хрущёвок в Харпе отремонтировали, а состояние деревянных двухэтажек оставляет желать лучшего

Более развёрнуто со мной поговорила местная жительница Ольга (её имя я изменил, поскольку она попросила об анонимности, объяснив это тем, что её работа связана в том числе с УФСИН). К маме Навального Ольга

испытывала сочувствие, а к её поведению после смерти сына — огромное уважение. А вот по поводу него самого была не самого высокого мнения:

— Смерть Алексея не вызвала [у местных] особых эмоций. Реакция людей в коллективах практически однозначна: «умер предатель» либо «ну умер и умер». У меня эти события не вызвали особого интереса: это политика, это большие деньги, это противодействие двух государств, при этом бывают жертвы. Сказать, что он предатель, я не могу: он не военный, не хранитель гостайны. А то, что он продал свою совесть другому государству, так это на его совести и останется. По-человечески жаль, что ещё физически крепкий, умный мужчина пустил свою энергию не в то русло... Оставался бы сейчас при власти, был бы таким же проворовавшимся чиновником, — глубокомысленно заключила Ольга.

«На Ямале своё государство»

Сама Ольга по работе была возле колонии вечером 16 февраля и не заметила вообще ничего необычного, даже парковка была как всегда полупустой. Правда, уже на следующее утро подъезды к ней перекрыли, опасаясь ажиотажа, так как парковка находится в пределах режимной зоны, в которой нельзя снимать. Но и эти меры безопасности оказались чрезмерными: вечером следующего дня Ольга заметила лишь немногим больше машин, чем обычно, а никаких публичных акций или импровизированных мемориалов в Харпе не было ни в тот день, ни в последующие. Она уверена, что возлагать цветы было особо некому: сама Ольга придерживается умеренно патриотических взглядов, а интерес к Навальному считает уделом юных максималистов, каковых, по её словам, в посёлке крайне мало.

Трудно сказать, сколько «максималистов» в Харпе на самом деле, но, как и везде, гораздо более активны в публичном поле не они, а сторонники режима. Особенно заметно это стало как раз после смерти Навального, когда местными пабликами заинтересовались журналисты. Они пытались вывести или купить у жителей Харпа информацию, чем провоцировали местных на рассуждения. Вот только один из характерных [примеров](#):

«Кому какое дело здесь до Навального? На Ямале своё государство, он здесь никто и звать его никак, а если есть его сторонники, то они сидят и нервно курят в сторонке, здесь их не поддержат».

Колония «Полярный волк», в которой погиб Навальный

На моё замечание, что произошедшее за стенами колонии как будто бы абсолютно не заинтересовало посёлок, повседневность которого с этой колонией тесно связана, Ольга ответила:

— Народ не то чтобы живёт обособленно, просто у народа здесь слегка другой менталитет, и это заметно по практически не востребовавшимся ночным клубам, ресторанам и так далее. Люди работают, занимаются бытом, а оппозиционеров считают маргиналами. Не потому, что полностью довольны властью, а потому, что власть их тут слышит. На жалобу в местном паблике о качестве дорог вам может лично ответить мэр.

В подтверждение своих слов Ольга скинула мне [ссылку](#) на пост из паблика «Лабытнанги. Info». Его автор жаловался, что на автобусной остановке «Заполярье» сломана дверная ручка (в Лабытнанги и Харпе остановочные павильоны сделаны закрытыми, чтобы люди не мёрзли в ожидании транспорта). Спустя сорок минут после публикации на пост ответил аккаунт управления ЖКХ городской администрации, а ещё через два часа тот же аккаунт отчитался о том, что ручка заменена и проблема решена.

— Вот вам конкретный пример, — заключила Ольга и добавила: — Ну вот

и какие оппозиционеры тут могут быть?

Перед штормом

Утром понедельника я проснулся от громкого разговора консьержки за дверь: она рассказывала кому-то по телефону, что в посёлке объявлено штормовое предупреждение. За окном медленно падал крупный снег, проглядывало солнце, и поверить в то, что надвигается непогода, было трудно.

Я собрал вещи, сдал ключ и между делом спросил про обстановку в посёлке.

— Вы про туристов? — не поняла она. — Да нет, туристов очень мало всегда, скоро вот дорогу за несколько миллиардов должны построить до горного курорта, тогда, может, побольше будет.

Я сказал, что не только про туристов.

— А, вы про это. Ну вот как Навальный умер, так сюда стали приходить эти [следователи], спрашивать, кто новый приметный заселился к нам. Вот буквально вчера приходили. Так я говорю: не там ищите! Если журналисты приезжают, так они квартиры частные снимают на сутки, вот там и ищите, а тут-то они разве снимут?

— Ага, ну да, — на всякий случай согласился я и поспешил попрощаться.

Старое кладбище и поселковая площадь в Харпе. Холмик цветов у памятника остался после празднования 23 февраля

За несколько ночных часов снега намело по щиколотку: по Харпу колесили снегоуборщики, а рабочие скидывали свежие сугробы с крыш зданий. Если бы не их оперативная работа, Харп занесло бы снегом за считаную

неделю: понять это можно разве что по оставленным во дворах и на обочинах автомобилям, которые превратились в гигантские сугробы. Таких тут просто аномально много: видимо, их хозяева надолго уезжают из посёлка на вахты или заработки.

В самом Харпе есть рабочие места в сфере услуг, но популярностью они, похоже, не пользуются. В единственном местном «Магните» напряжённая атмосфера: у кассы скопилась гигантская очередь, и люди бешутся.

— Тут всегда так, — говорит одна пожилая женщина другой. — Как ни приду, постоянно продавцов нет. Эй, ну откройте вторую кассу-то!

— Я что могу сделать? — вяло реагирует продавец. — Местных сюда почему-то не затащишь.

Кассир по имени Андрей живёт в Харпе недавно — приехал по распределению.

— Местные не идут работать, — обречённо повторяет он мне. — Меня вот послали на открытие магазина сюда. Обычно на два месяца посылают, для некоторых потом эти два месяца растягиваются, вот и для меня тоже.

За пять минут, что длилась эта бестолковая сцена, погода на улице радикально переменилась. Харп оказался обманчив: стоит расслабиться, как выяснится, что тобой интересовались следователи в гостинице; стоит порадоваться пасторальному снегу, как приходится вспоминать о «штормовом предупреждении». Ветер налетает мгновенно, и сила его такая, что по улицам становится трудно ходить.

Человек из покрышек — творчество местных умельцев

К местному кладбищу удалось подобраться только с самого края: туда снегоуборщики не доехали, и дорогу занесло снегом. Поэтому в оставшееся время до поезда я постучался в церковь Рождества Богородицы в местном сквере (ещё один храм — Сергия Радонежского — расположен за забором «Полярного волка», а в «Полярной Сове» только небольшая часовенка), но она оказалась закрыта. С её настоятелем — отцом Михаилом, который служит здесь уже более десяти лет, — мы позже связались по телефону. Это было уже в те дни, когда тело Навального довели до Москвы, и его соратники едва нашли священника, чтобы его отпеть. Мы поговорили о жизни в посёлке (отец Михаил тоже сказал, что ничего как будто и не произошло, никто не ставил свечей за упокой раба божьего Алексея и не подавал записок о поминовении), а затем я спросил его, согласился бы он отпевать Навального.

— Он ведь, как я понимаю, не совершал самоубийства и не принадлежал к другому вероисповеданию, — ответил священник, — а других причин его не отпеть я не вижу.

— Ну вот в Москве почему-то никак не могли найти того, кто бы согласился, еле нашли.

Отец Михаил не понял, почему священника долго не могли найти, а когда я рассказал ему, спросил:

— Но ведь нашли же? И что стало с тем человеком, который его отпел? Ничего ведь?

Кажется, он даже не понял, почему я задаю эти странные вопросы: та ситуация, в которую Навальный попал в Москве уже после смерти, здесь, в Харпе, где всё происходит в спокойном установленном порядке, казалась невообразимой.

Такой вид открывается на Харп, если отойти пару шагов от гостиницы «Собь»: заснеженные бытовки, гаражи и сараи

Потоптавшись на пороге церкви, я предпринял вторую попытку добраться до рамки «Счастье не за горами», и она увенчалась успехом. Судя по всему, туристов в Харпе действительно немного — или они просто не знают об этом месте. К затерявшемуся в зарослях ольхи арт-объекту нет тропинки. Предполагается, что сквозь металлический прямоугольник должна быть видна панорама посёлка и горные вершины на горизонте, но с гор спускался снежный буран и вершины были не видны: в кадр «Счастья не за горами» попали только двухэтажные домики, свежеелицованные хрущёвки

и территория колонии, в которой закончилась жизнь Алексея Навального.

Я надеялся, что в Харп меня больше никогда ни по какой надобности не занесёт, поэтому хотел успеть купить на память магнитик, но успевать оказалось некуда: железнодорожная станция «Северное сияние» представляла собой кирпичный мешок с залом ожидания из шести стульев. В ней не продавались не только магнетики, но и билеты, которые предлагалось покупать заранее.

Горные хребты на горизонте Харпа видны только в хорошую погоду. Кроме меня поезда ждал только один мужчина, который болтал со станционными работницами. Когда поезд подошёл, одна из них прокричала ему вслед:

— И тепло это с собой заberi!

— Куда тепло-то? — возмутилась другая. — Пусть лучше ветер с собой заберёт.

Ветер тем временем стал совсем невыносимым, и в снежном буране скрылись не только дальние гребни, но и холмы, окружающие посёлок. Казалось, что если мужчина заберёт ветер с собой, то Харп так и зависнет посреди этой

пустоты.

Не каждый гость Харпа доберётся до вершины холма, чтобы увидеть панораму посёлка сквозь рамку «Счастья не за горами» — тропинки сюда нет. В конце первого дня, проведённого в Салехарде, я спонтанно забрёл в арт-резиденцию «Полярис»: афиши обещали выставку современного искусства, а проект был поддержан Росмолодёжью, так что мне стало интересно, какое искусство показывают при господдержке за Полярным кругом. Я изучал вывешенный в фойе список участников выставки, когда услышал за спиной:

— Надеюсь, вам не покажется, что я за вами слежу.

Мой попутчик, с которым мы вместе летели, был здесь же — у него отменилась какая-то бизнес-встреча, и теперь он просто гулял по городу и думал, чем бы заняться. Я прикинул, что подстроить всё это специально было бы невозможно (для этого как минимум нужно было знать мой план, а его не существовало), поэтому нам не удалось найти ни одной причины не выпить пива. Новый знакомый, правда, попросил об анонимности, но я могу сказать, что в силу работы он знал Салехард и Харп очень хорошо, причём жизнь коренных народов в том числе.

— А что ты там хочешь найти, в Харпе? — сказал он мне помимо прочего.

— Знаешь, как они тут говорят об остальной России? Они говорят «на земле». То есть у них чёткое разграничение: есть то, что на Ямале, а есть всё, что в стране происходит, «на земле». И историю с Навальным, хоть он и сидел здесь, они воспринимают как часть какой-то игры, которая разворачивается «на земле» и к ней относится. А к ним нет.

В какой-то момент мы вышли покурить, и я всё же спросил у него:

— А как ты понял, что я лечу именно в Харп? По мне прям видно как-то?

— Ты фотографировал коробку с самолётным ланчем, поэтому видно было, что ты в первый раз летишь, а про Харп я уже предположил, — ответил он.

Я, видимо, и правда прокололся на том, что фотографировал коробку. На внутренней стороне её крышки напечатали рекламную викторину. Предлагалось отметить поводы для посещения Ямала: в обширном списке были северное сияние, морошка, [мамонтёнок Люба](#) и разные другие достопримечательности и факторы притяжения.

— Я даже подпись для твиттера придумал к этой фотографии, — сказал я, — типа «Не угадали, ребята: причины, по которой я к вам лечу, в этом списке нет».

— Ну да, — вздохнул он, — нет и не появится. А может быть, и появится. Но очень нескоро.